

ВВЕДЕНИЕ

Дворцовая площадь, Санкт-Петербург

Представьте широкий простор большой центральной площади: вы стоите посередине, ветер безжалостно бьет в лицо. Вокруг гигантские здания из гранита и бетона, построенные строго по центрально-осевому плану. И располагаются в них, скорее всего, правительственные учреждения. Возможно, вас даже разглядывает скучающий оператор системы видеонаблюдения, греющий руки о кружку с кофе в кабинете где-то поблизости, но вы-то знаете, что лет двадцать с небольшим назад за вами могли следить настоящие агенты спецслужб. От этого пробирает мороз по коже, особенно

если вам нравятся шпионские истории. На самой площади наблюдается какое-то движение — служащие курят под навесами в обеденный перерыв, нищие просят милостыню, вокруг ларьков царит суета. А если вы в Восточной Германии или в бывшем Советском Союзе, то компанию вам составит еще и неодушевленный предмет — статуя Маркса или Ленина может просто стоять, а может сурово указывать на вас, порицая за тунеядство. В других странах акценты расставляют более традиционными методами: коринфской колонной или памятником правителю, усатому генералу. Ощущение огромного неиспользованного пространства тем не менее остается; отсюда и ветер, пронизывающие порывы которого рано или поздно вынудят вас укрыться в помещении. Нет, сама по себе площадь, конечно, представляет интерес как трехмерный пережиток ушедшей эпохи, как музейная реликвия. Однако это представление ошибочно — *научиться чему-нибудь* в таком музее получится едва ли.

В современном урбанизме широкий простор большой площади воспринимается как нечто безвозвратно устаревшее. Даже осмотр предметов данного исследования, таких как Александерплац в Берлине, варшавская площадь Дефилад или площадь Рынек в Катовице, у большинства современных планировщиков вызвал бы в первую очередь отвращение, а потом уж мысли о том, как эти пространства облагородить. Что делать с этим кошмаром? Решение такой проблемы может объединить традиционалистов и авангардистов. Какую из указанных площадей ни возьми, каждая могла бы послужить для них примером наихудшего воплощения классического осевого принципа — формальной композиции, где все на своих местах и не допускается никаких случайностей или отклонений вроде модернистского объекта в пространстве (сегодня этот принцип подвергается

критике, но все равно часто используется в других контекстах). Цель же и у тех и у других одна: обозначить границы, выстроить перспективу, показать пару дешевых трюков с масштабом и восприятием. Ни один проектировщик, будь он из «новых урбанистов» (движение почитателей канонов XVIII столетия, финансируемое компанией Disney) или заикленный на понятии «пiazza» урбанист современного высокотехнологичного направления, не захочет иметь ничего общего с таким гигантским, порожденным авторитарной системой монстром. Чем же обусловлено такое отторжение — исключительно эстетическим неприятием или здесь видна политическая подоплека? Может статься, в необъяснимой бесполезности такого пространства кроется некий тайный потенциал? А может, эти пустые пространства на самом деле удачно подходят для общественных выступлений и волеизъявлений?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно выяснить, что это за пространства и какие объекты на них размещаются. Возьмем, к примеру, модернистское пространство из тех, что никак не заподозришь в каких-либо непосредственных связях с советской эстетикой: Культурфорум в бывшем Западном Берлине. Имеем: архитектурные произведения детальнейшей проработки. Новая национальная галерея (архитектор — Мис ван дер Роэ) — сдержанная, тщательно выверенная классика модернизма. Разнообразие цоколей, платформ и колонн здесь будто создано для поклонения, благодаря цоколю здание заметно возвышается над своим окружением; стоящая в самом широком смысле особняком неоготическая церковь, сдержанно модернистское здание кафе и смотрящие на него постройки, спроектированные под руководством Ганса Шаруна: Филармония, Концертный зал камерной музыки и Государственная библиотека. Нарочитые,

захватывающие внимание экспрессионистские здания Шаруна расположены на краю территории, неопределенный характер которой подчеркивает архитектурную зрелищность, но не дает воспринимать ее как общественное пространство. Гравийное покрытие усиливает ощущение неясности и временности. И только престиж самих зданий да имена великих модернистов Веймарской республики не позволили проектировщикам застроить это пространство жилыми домами, торговыми центрами и киосками. В таком нетронутом виде Культурфорум остается одним из последних мест современного города, где можно ощутить порыв бодрящего воздуха, присутствие которого подразумевало модернистское городское планирование.

Блестящую пустоту, холодность и параноидальность нового типа пространств горячо романтизировал в своей композиции «Plaza» (1980) британский пионер электроники Джон Фокс: «На площади / мы медленно танцуем, подсвеченные словно фотографии в лайт-боксах... / А напротив в лаунже проводят семинары... / На эскалаторе вниз, там вид на море / За матовым стеклом никто тебя не видит... / Мне знакомо твое лицо / Я видел его в осколках лобового стекла». Песня проникает в самую суть того, почему площадь, и в частности Культурфорум, может вызывать такой интерес и так отличаться от безликой тесноты современной городской планировки. Это парадоксальная намеренная *инаковость* пространства, ощущение его бесполезности и откровенного формализма, его беззастенчивая мрачность. Культурфорум когда-то прилегал к настоящему пустырю — полосе отчуждения, мертвой зоне, где пограничники открывали огонь по людям, пытавшимся бежать из Восточной Германии. Чтобы проследить такой подход к городскому

пространству в развитии, нужно лишь пройти до выросшей на месте полосы отчуждения Потсдамерплац.

Потсдамерплац — небезынтересная сама по себе градостроительная ошибка — является попыткой воскресить свойственную столичному Берлину «культуру уплотнения» периода между двумя мировыми войнами, воссоздать шумный перекресток торговых и транспортных путей (здесь были установлены первые в Германии светофоры) на месте, где до 1989 года был продуваемый всеми ветрами пустырь. Здания, в особенности постройка Ханса Коллхоффа, представляют собой тщательно выверенные дорогостоящие интерпретации экспрессионизма времен Веймарской республики, в то время как построенные вокруг торговые центры и кинотеатры работают на привлечение публики, создание суматохи, не дают пространству пустовать. Потсдамерплац изо всех сил старается создать видимость движения, активности, разнообразия функций, что лишь усугубляет ощущение неизбывной холодности. Разница между вымученной столичностью Потсдамерплац и тишью Культурфорума потрясающая; однако причины этих различий куда глубже и сложнее, нежели может показаться на первый взгляд.

Здесь уместной будет краткая предыстория рассматриваемых пространств. Онтологически послевоенная площадь восходит прежде всего к градостроительным традициям прусского военного государства и панъевропейскому прагматизму императорского Санкт-Петербурга; от таких корней, впрочем, принято отрекаться. Не будем забывать, что последний был эдаким Дубаем XVIII столетия — невероятный проект на неосвоенных территориях в малопригодном для жизни климате, возведенный рабским трудом и волей абсолютного монарха. Его самые известные архитекторы — Растрелли, Росси и прочие — были

иностранными звездами. Когда эти итальянцы приехали застраивать ядовитое смертоносное болото на Финском заливе, они взяли формальные приемы классицизма и барокко и расширили их до невиданных ранее пределов. Итальянским и французским городам еще нужно было избавиться от средневековой сутолоки, чтобы соответствовать математически выверенным предписаниям градостроителей. И в Москве раздолье Красной площади упирается в безотрадную путаницу средневековых улочек. В Петербурге таких помех не было. Соответственно, отличительной особенностью города стал Невский проспект, широта и простор которого поражают до сих пор. Проспект ведет к Дворцовой площади, чей размер и ровный рельеф производит не менее грандиозное впечатление. Как будто в самом сердце города решено было воссоздать необъятное пространство, его окружавшее. И здание Главного штаба Карла Росси, и его колоссальная арка, сквозь которую открывается парадный вид на Зимний дворец, — все это невероятных размеров. И далее до горизонта простираются здания почти одинаковой высоты, и возвышаются лишь самые достойные: золотой купол Исаакиевского собора да суровый шпиль Адмиралтейства — прямой предок тысячи сталинских высотных зданий, взметнувшихся два столетия спустя.

Это, по крайней мере в теории, и есть авторитарное градостроительство. Введите «Невский проспект» в Google Images, и почти наверняка вам попадетсa фотография «Июль 1917», когда Временное правительство открыло огонь по рабочей демонстрации. Люди разбегаются по непомерно широкой улице, не имея возможности ни защититься, ни укрыться в переулке, ни построить баррикаду. Однако когда спустя три месяца те же рабочие организовали военно-революционный комитет, они

осознанно обратили осевой план города против него самого, направив толпу по проспекту к Зимнему дворцу. За последующие несколько лет Дворцовая площадь, центр Коммунистического Интернационала, стала очагом беспрецедентных уличных акций, на которых рабочие Петрограда праздновали обретенную ими власть. Футуристы украшали все те же колонны и бюрократические кварталы архитектурными элементами, которые исчезали сразу по окончании праздника. Интересно, что более позднее коммунистическое руководство сменило эту новую форму ситуативного градоустройства ретроградской, беззастенчиво копировавшей старый Петербург.

В Восточном Берлине, Варшаве, Киеве, в десятках других городов, расположенных восточнее Эльбы, от Свердловска до Белграда в той или иной форме неизменно воспроизводятся характерные черты Петербурга: длинный широкий проспект и гигантская площадь — только больше, величественнее и эффектнее, чем прежде. У Берлина были свои предшественники, ведь прусское градостроительство было почти так же монументально и в той же степени обусловлено военными нуждами, как и проект, начатый Петром Великим. Наиболее очевидный пример совмещения парадного плаца и проспекта — это Унтер-ден-Линден; впрочем, по царским стандартам его размеры ничтожны. Куда более серьезное впечатление, нежели Унтер-ден-Линден и, если уж на то пошло, неловко разбросанные по пространству объекты Культурфорума, производит путь от Карл-Маркс-Аллее к Александерплац. «Здесь начинается степь», — шутили берлинцы с недоброй ухмылкой. Это полоса восточноевропейского пространства, зажатого между Пруссией и царской Россией, или позднее, что более ужасно, между сталинизмом и нацизмом.

Кто же тогда, кроме как из чисто извращенческих побуждений, захочет проводить время в таких местах и тем более искать им оправдания? По господствующим сегодня представлениям о градостроительстве проблема этих пространств заключается в том, что они суть порождения авторитарной власти — будь то кайзер, царь или генеральный секретарь. В определенном смысле так оно и есть. Это продукт предельной централизации, осевой стержень городских и архитектурных ансамблей, очевидное предназначение которого — внушать уважение к власти. Пространства эти спроектированы специально для массовых действий, для развевающихся знамен, для синхронных движений марширующих тел. Не стоит, однако, забывать, сколько эти представления позаимствовали у акций революционных рабочих движений — позднейшие «социалистические» режимы в точности следовали если не духу, то букве ранних экспериментов на Дворцовой площади в Петрограде. Кроме того, в условиях капитализма нужно тщательно взвешивать свои желания. Децентрализация, дезурбанизм, отход от образцово-показательных авторитарных городских пространств практикуется здесь уже многие десятилетия. Однако в результате в окраинных промзонах и в полностью нематериальной компьютерной сети власти скапливается столько же, если не больше, чем на центральной площади. Это не означает, что у площади не осталось политической власти. Совсем наоборот.

Перепланировка крупнейших городских площадей наводит на мысль о том, что устранение открытых пространств имеет подоплеку политического характера. Готовая вместить толпы Александрплац, невзирая на свое «вертикальное» происхождение, стала местом, где под давлением массовых протестов пал режим Хонеккера. Как будто условный народ, единство которого

изображали организованные действия, внезапно ожил к вящему ужасу руководства. За последние двадцать лет было представлено несколько проектов перепланировки Александерплац, цель которых заключалась в решении проблемы пустого, якобы неиспользуемого и непригодного к использованию (а точнее — к извлечению прибыли) пространства. В рамках одного из них архитектору Потсдамерплац Хансу Коллхоффу заказали проект заполняющих пустоты небоскребов. Официально от этого плана так и не отказались, однако в реальности с задачей уже справились довольно неуклюжие архитектурные наросты, лишенные благопристойного формализма Коллхоффа. Футуристический фасад универмага времен ГДР заложили песчаником, а вокруг в произвольном порядке выстроили из кирпича торговые помещения в неопрусском стиле: классицистский китч рядом с китчем космической эры. Все ради того, чтобы место стало *бойким*, чтобы здесь продавали и потребляли, а не занимались непроизводительным, а то и политически опасным праздношатанием.

Еще более четко и наглядно эти тенденции проявились в реконструкции Майдана Незалежности в столице Украины, городе Киеве. Прежде чем в названии площади появилось пришедшее в украинский из персидского и обозначающее в обоих языках место всеобщего сбора слово «майдан», площадь эта была известна как Советская, Калинина и Октябрьской Революции. Площадь помещается на пологом холме (природный рельеф Киева так разнообразен, что город здесь как будто даже не совсем уместен), на котором расположилась гостиница «Москва». Задуманная как необарочная разлапистая высотка по образцу построенных Львом Рудневым зданий Московского университета и Дворца культуры и науки в Варшаве, достраивалась гостиница уже по упрощенному

проекту. Получилась довольно странная, облезлая сталинская высотка — гигантизм и осевая симметрия остались, а вот орнамент и шпиль ушли. На другой стороне выстроился ряд башенок, в которых тоже чувствуется отход от высокобюджетной сталинской роскоши в сторону чего-то более скромного. Все это осталось на месте, кроме одного обязательного элемента — памятника Ленину. Эта типичная, хоть и не по всем правилам сталинского ампира исполненная площадь, на которую выходит обязательный широченный проспект — Крещатик, — стала в 2000 году центром массовых выступлений. Акции «Украина без Кучмы» были направлены против местного популиста, занимавшего президентский пост со времени обретения независимости. Демонстрантам помешала спешно начавшаяся реконструкция, вследствие которой площадь стала практически непригодной для выступлений.

Результатом, а скорее, побочным продуктом такого политического решения, стал подземный торговый центр «Глобус», который президент Кучма торжественно открыл в 2001 году. Его зеркальные купола выходят на поверхность площади там, где раньше били фонтаны и стояли скамейки. Продолжением этих куполов перед гостиницей «Москва» (переименованной конечно же в «Україну») вровень с ней по высоте выросла еще более крупная конструкция, по краям которой расположились плакаты Православной церкви. Но и это еще не все. Основной акцент после реконструкции взяли на себя необарочные архитектурные излишества, стоящие на оси Растрелли — Руднев — Вегас. Эти конструкции из стекловолокна и золота — коринфские колонны, триумфальные арки — являются примером ни с чем не сравнимого, но мало изученного новосталинского стиля, получившего чрезвычайно широкое распространение к востоку от

Польши. Снимите с пьедестала казака или Мать Украину и поставьте туда Рабочего или Родину-мать, и в результате получится ровно та конструкция, которую поставили бы здесь пятьдесят лет назад. Как и в случае с Александерплац, по официальной версии пространство решено было сделать более праздничным, нарядным, менее унылым и пустым, однако очевидна была и реальная цель — помешать протестным выступлениям на открытом просторе площади. Тем не менее зимой 2004 года в оставшиеся пространства застроенной площади каким-то образом втиснулся палаточный городок, и Майдан Незалежности стал местом «оранжевой революции», скинувшей уличенного в подтасовке итогов голосования преемника Кучмы, а ныне свободно избранного президента Украины Виктора Януковича. Здесь по-прежнему проходят протестные выступления, хотя демонстрации на самой площади были запрещены вскоре после переизбрания Януковича. Попытки снизить возможности площади как места политического волеизъявления провалились по крайней мере на определенном этапе; у властей, однако, остается надежда, что рано или поздно все больше народу будет приходить сюда за покупками — и все меньше на митинги.

Весьма показательным представляется тот факт, что центром величайшей из революций последних десятилетий — восстания египетского народа, свергнувшего Хосни Мубарака, и последующих демонстраций, до сих пор постоянно заполняющих площадь, — стала каирская Мидан-ат-Тахрир. Эта площадь Освобождения, большей частью построенная еще при Насере, являет собой классический пример советского планирования в стиле социалистического реализма. Более того, самое заметное, зиккуратоподобное здание правительства — Могамма — подарок Советского Союза. Именно громадный размер и незаполненность

площади, а также непосредственная близость к подлинному сосредоточию власти позволили использовать ее для восстания, дали людям возможность употребить ее для собственных целей. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что события эти стали источником устойчивого заблуждения, что любую площадь можно превратить в площадь Тахрир, однако сравнение с менее централизованными городами наглядно демонстрирует, насколько важную роль сыграло конкретно это общественное пространство. Когда волна выступлений прошла по арабскому миру, стало вполне очевидно, насколько советский централизм, позволивший занимать главную площадь Каира столь продолжительное время, удобнее для подобных целей, чем не имеющая ни четкого плана, ни центра агломерация, к примеру — Бахрейн. И когда мы хулим пустые пространства, не стоит забывать, что такая пустота часто мозолит глаза власти и капиталу и что симуляция веселой потребительской суеты не многим лучше неподвижного монументализма режима.

Настоящий текст является частью более обширной работы, озаглавленной «Реальный урбанизм». Это подробный географический справочник по советскому и постсоветскому урбанизму, по городам, которые, в отсутствие более подходящего определения, можно обозначить как «посткоммунистические». Книга рассматривает бывший Советский Союз и примыкающую к нему с запада «буферную зону». В названии, которое кому-то покажется странным, обозначена непрерывная связь не только между странами, которые более не видят себя частью (принудительного) «социалистического лагеря», но и между когда-то общим для всех идеологическим строем и системой, сложившейся теперь. С точки зрения географии это может показаться весьма сомнительным утверждением. И пусть когда-то эти страны входили в СЭВ, сегодня связи между ними ослаблены,

особенно после вступления некоторых из них в Евросоюз. Калининград или Минск не дальше от Варшавы, чем Эдинбург или Ньюкасл от Лондона, однако границы между ними совсем не прозрачны. В политическом плане слияние этих территорий двадцать два года спустя после 1989 года едва ли кому-то покажется реалистичным, как и заявления государственных и бизнес-руководителей, что лишь «пережитки социалистической системы» тормозят их бодрый шаг в либеральное будущее. И все же есть в них что-то общее: это всепроникающее ощущение разрушенной *реальности*, остановившегося *развития*. «Развитой социализм» — понятие, введенное в обиход в конце 1970-х для описания сложившейся в Восточном блоке системы. Это был намеренно сдержанный термин, как будто противопоставлявший себя воображаемому социализму, в котором теоретически могло бы найтись место для демократических институтов и свободы слова. Он отчетливо давал понять, что с социалистической мечтой покончено, что на самом деле притязания системы на «социализм» в общепринятом понимании не стоило даже воспринимать всерьез. Система, сложившаяся после 1989 года, также насаждает «развитие», не терпящее инакомыслия; если раньше последней допустимой революцией был октябрь 1917-го, теперь последнее слово за ноябрем 1989-го.

В книге «Реальный урбанизм» я наношу на карту территорию, где пространство, называемое Марком Фишером «капиталистическим реализмом», встречается с пространствами, когда-то занимаемыми «социалистическим реализмом»; фиксирую влияния, оказанные на советские пространства двумя десятилетиями новой нормализации, а также предпринимаю попытку непредвзятого анализа этих демонизированных ландшафтов, в которых зачастую оказывается куда больше красоты

и уродства, нежели принято полагать. Речь в книге идет о городах, какие они есть, а не какими нам хотелось бы их видеть. О намеренно деполитизированных пространствах, пропитанных жестоким неравенством, о строгих социальных разграничениях, гнетущей нищете и зачастую чудовищной архитектуре. Я рассматриваю один смысловой уровень за другим, неизбежно натываясь на пространственные и физические приметы того, что и здесь был когда-то выбор, а может статься, есть и теперь. Представленная здесь часть этой работы, «На площади», посвящена местам, где в результате успешной социалистической революции родилась советская система. Местам, которые впоследствии стали ритуальными пространствами, где режимы, называвшие себя социалистическими, демонстрировали свою мощь, где в свой черед эти, а иногда и наследовавшие им режимы были низвергнуты и где по-прежнему есть потенциал для формирования чего-то нового.

Все эти невероятные просторы, на которые с непостижимой сегодня расточительностью переведено было столько потенциально прибыльной земли, не являются капиталистическими. Но и социалистическими их назовешь не всегда. Петр Великий, если судить по Невскому проспекту и Дворцовой площади, едва ли утруждал себя рассуждениями о рыночной целесообразности, производственных отношениях или необходимости принимать в расчет интересы землевладельцев, биржевиков или хозяев предприятий. Коммунистом он, конечно, не был. Как не были коммунистическими, в исходном смысле слова, и советские режимы, также пренебрегавшие подобными тонкостями. В то же время фантастическая атмосфера этих пространств обладает очарованием, далеким от хаотичного нагромождения капиталистического ландшафта. По сути, это

попытка сконструировать пространство, руководствуясь скорее нуждами людей, нежели выгодой. И какими бы бесчеловечными ни казались итоги этой попытки, они дают нам возможность хотя бы приблизительно взглянуть, как могли бы выглядеть города, если бы деньги не играли определяющую роль. Результаты иногда внушают ужас и действуют как предостережение; однако многие пространства остаются неопределенными местами, допускающими различные толкования, с которыми не вполне понятно, что делать. Как со спорными территориями. Исследование этих территорий сопровождается также подробным географическим справочником по прочим элементам развитого урбанизма, как то: проспекты, здания, исторические реконструкции, постиндустриальные изменения, линия горизонта, сеть общественного транспорта, импровизационная и мемориальная составляющие. В конечном итоге должна сложиться фрагментарная, неоднородная картина фрагментарного, неоднородного ландшафта.

Каждая из описанных здесь площадей обладает специфическими свойствами, каждая является образцом определенной вариации на тему советской площади. Первая — Александерплац — архетипичная советская площадь постсталинского времени, модернистская по стилю и совершенно монументальная по исполнению — в последние годы активно перестраивается. Оттуда мы отправимся на бывшую площадь Дзержинского в украинском Харькове. Это первая спроектированная в СССР главная площадь, что представляет отличную возможность попробовать разобраться в первоначальных замыслах и намерениях новой власти. Затем следует Дефилад в Варшаве — своего рода неудавшаяся площадь: в теории — крупнейшая площадь в ЕС, на деле — полуразвалившаяся парковка. Далее — бывшая площадь

Революции в Любляне, представляющая внеблоковый социалистический урбанизм, затем следует попытка создания эдакого *Gemeinschaft* (сообщества) в небольшом городке Лодзь; а также как будто застывшая в ожидании чего-то площадь посреди обширного Силезского индустриального района. Темная сторона представлена неуклонно ослабляемой и лишаемой самобытности площадью в Киеве и тем местом в Москве, что после бравых усилий по оптимизации дорожного движения ощущается как невнятный довесок магистрали. Закончим мы на Потсдамерплац, которая сменила акценты и сам принцип устройства площади и создавалась с очевидным намерением дистанцироваться от Александерплац и ей подобных. Исследование показывает площадь во всей ее архитектурной и общественной многозначности. Все перечисленные пространства роднят размер и социалистическое происхождение, однако весьма заметные различия в структуре и не менее значимые — в истории наводят на мысль, что мы сильно поспешили махнуть на них рукой.

Поскольку осваивать эту территорию я пришел с северо-запада Европы — родины «нормальности» и того самого либерализма, — настоящий текст представляет точку зрения совершенно и непоправимо стороннего наблюдателя. Я не говорю на языках, не могу прочитать даже вывеску, единственные доступные мне сведения черпаю в переводных источниках и без посторонней помощи способен лишь купить себе выпивку и жетон на метро. И работа эта никогда не увидела бы свет без Агаты Рыжик, без ее участия, помощи с переводом, мнений и доводов. За это ей моя любовь и благодарность. Если же в тексте обнаружатся какие-либо ошибки или содержание заденет чьи-то чувства, то Агата за это не в ответе.

СТЕПЬ НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ

Александрплац, Берлин

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru